

Елена
Арсеньева

любовь великих женщин

Королева
эпатажа

Королева эпатажа

Елена Арсеньева

Дорогу крылатому Эросу!
(Александра Коллонтай)

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Дорогу крылатому Эросу! (Александра Коллонтай) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Королева эпатажа)

ISBN 5-699-14364-5

Эпатаж – их жизненное кредо, яркие незабываемые эмоции – отрада для сердца, скандал – единственно возможный способ существования! Для этих неординарных дам не было запретов в любви, они презирали условности, смеялись над общественной моралью, их совесть жила по собственным законам. Их ненавидели – и боготворили, презирали – и превозносили до небес. О жизни гениальной Софьи Ковалевской, негибавшей Александры Коллонтай, хитроумной Соньки Золотой Ручки и других женщин, известных своей скандальной репутацией, читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

ISBN 5-699-14364-5

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Елена Арсеньева Дорогу крылатому Эросу! (Александра Коллонтай)

Письмо было написано так коряво, так безграмотно, что Александра досадливо сморщилась. Хотя Дыбенко в свое время делал в любовных своих цидулках еще больше ошибок... Но Дыбенко давным-давно остался в прошлом, и сейчас Александра держала в руках отнюдь не любовное послание...

«В одно прекрасное время веселого вечера жена секретаря ячейки оказалась акушеркой и начала производить телесный осмотр мужчин вымериванием через тарелку, у кого конец перевесится через тарелку, с того еще бутылка с носу...»

– Что? – растерянно спросила она, не веря глазам. – Что это такое?!

Ответить было некому: этот «секретный документ» ей было предложено прочитать в одиночестве.

«Однажды вечером я шел из Нардома, зашел в предбанник оправиться, смотрю, идут двое. Я притаился и рассмотрел: женщина и мужчина. Смотрю, в баню заходят, уселись на полки, стали друг другу объясняться в любви и так далее. Потом Фанька говорит: сколько я перебрала мужчин, но на тебя нарвалась по моему вкусу. Потом Мануйлов говорит: «А вы когда-нибудь пробовали раком?» Фанька говорит: «Давай по-конски, вот я стану раком, тебе с разбегу не попасть». Мануйлов говорит: попаду. И вот она стала раком. Мануйлов отошел немного и побежал на нее. Она немного отвернулась – он мимо! Я грянул хохотать. Они выскочили без ума.

Об этом поступили заявления, но секретарь не дал ходу, говорит: «Мы Коллонтай или мы не Коллонтай?!» Председатель Ильинского сельсовета Панкрушихинской волости Каменского уезда Ново-Николаевской губернии А. Липский».

Она не смогла дочитать. Глядя на залапанную бумажонку, как на гранату, вспомнила, что ее предупредили: речь идет о нравах в одной из сибирских деревенских коммун.

Нравы были жуткие. Еще более жутким оказалось то, что коммуна носила имя Коллонтай.

«Мы Коллонтай или мы не Коллонтай?!» – вопрошал один из этих безграмотных развратников. Но ведь это она была – Коллонтай! Коммуна носила ее имя!

Но разве... разве этой жути она хотела, когда говорила о свободе любви? И не просто говорила – любила свободно, не признавая никаких условностей... Разве этой грубости она желала, когда яростно утверждала: семья при социализме будет не нужна, это давно отмерший пережиток, закабальвавший женщину и мешавший ее гармоничному развитию? И не просто утверждала – подтверждала своим примером задолго до наступления социализма и даже свершения революции: разъехалась с мужем, сын вырос без нее... Разве об этой пошлости она мечтала, когда вскользь бросила однажды фразу: мол, в свободном обществе, которое вскоре воцарится в России, удовлетворить половую потребность будет так же просто, как выпить стакан воды? И не только мечтала об этом, но запросто удовлетворяла свою «половую потребность», когда хотела и с кем хотела...

Но ведь она – новая женщина! Ее не зря называли Валькирией революции! Никто так, как она, не умеет властвовать умами митингующих! Ленину – Ленину! – вежливенько аплодируют, а Коллонтай забрасывают цветами и уносят с трибуны на руках. Она фактически разра-

ботала военную доктрину Советской власти! Она – главный теоретик по «женскому вопросу» в стране! И потому ей многое позволительно, ведь что дозволено Юпитеру (Юпитерше в данном случае), то не дозволено быку, вернее, этим бездумным телкам, каким-то Фанькам. Тем более она ни с кем и никогда вот так... чтобы раком, чтобы с разбегу... Она мечтала не только о свободе отношений между мужчиной и женщиной, но и о красоте их отношений. А эти малограмотные мужики и бабы все на свете способны извратить. Опозорили ее имя, смешали с грязью!

Она чувствовала себя изнасилованной каким-то беспутным сбродом. Так омерзительно, как сейчас, она себя не чувствовала, кажется, никогда. Ни разу, за всю свою очень даже не маленькую жизнь!

А впрочем, нет. Что-то в подобном роде она ощутила, когда застрелился Ваня Драгомиров. Он оставил предсмертное послание, в котором совершенно откровенно признался: да, он не может жить после того, как его отвергла Шурочка Домонтович, не оставив ему никакой надежды на счастье.

Это был кошмар...

И главное, непонятно, откуда и почему обрушившийся. Что он возомнил о себе и о ней, этот красивый мальчик с томным взором, сын отцовского сослуживца (генерал Домонтович, отец Шурочки, состоял при Генеральном штабе), кумир всех знакомых барышень? Барышни мечтали протанцевать с ним хоть один вальсок на балу, а он кружился и кружился с Шурочкой, и все признавали их самой блистательной парой. Ну, ей показалось, что влюбилась. Играла с ним глазами так, что он возомнил невесть что. Увлёк в сад, попытался поцеловать. Ну, она позволила: очень хотелось узнать наконец, что это за штука такая – целоваться, почему во всех романах поцелуям придается такое огромное значение. Немножко побаивалась, конечно: а что, если (как и написано в романах!) поцелуй навеки соединит ее с Ванечкой, сделает его покорной рабыней? Решила не сдаваться. Глаза не закрывала, сосредоточилась на впечатлениях. Впечатления разочаровали: мокро и невкусно. А какой у него стал нелепый вид, у Ванечки, у бедняжки, какие бараньи глаза... И он почему-то начал так тяжело дышать! И прижиматься к ней, и лапать, словно она была какая-нибудь горничная, которую молодой барин зажал в прихожей. Шурочке стало ужасно смешно. А тут еще Ванечка принялся стонущим шепотом уверять, что жить без нее не может, что они должны быть вместе вовеки, так как предназначены друг для друга... Что?! Она предназначена для того, чтобы *всю жизнь* провести рядом с этим красивым, так дивно вальсирующим, но таким неинтересным мальчиком? Да все его будущее – размеренное, добропорядочное – у него на лбу написано. Еще чего не хватало – сделаться такой же генеральшей, как ее матушка! Вот скукота, эта светская жизнь! Ну, матушке хоть удалось порезвиться вволю, прежде чем она вышла за отца: тот увел ее у первого мужа, военного инженера Мравинского, увел с тремя детьми. А Шурочкина жизнь только начинается, и она не допустит, чтобы глупые излияния Ванечки Драгомирова и его невкусные поцелуи положили предел сонму мечтаний, которые только начали зарождаться в ее чрезмерно, быть может, живом уме и пылком сердце.

По-хорошему, надо было отвесить ему пощечину и изречь что-нибудь вроде: «Ежели вы желаете, чтобы мы и впредь были приятелями, то не извольте забывать!» Но рука у Шурочки была тяжелая, она пожалела красивенькое Ванечкино личико и всего только со смехом оттолкнула его. Смеяться, конечно, следовало бы «русалочьим смехом» Веры из «Обрыва», однако у Шурочки не хватило выдержки: принялась хохотать. Вырывалась из его жадных рук – и смеялась-заливалась.

Ну, наверное, ему было обидно... Но чтобы из-за этого стреляться? Пускать себе пулю в сердце? Да еще оставлять такую ужасную записку?

После смерти Драгомирова Шурочка рыдала, как безумная, причем сама понять не могла, отчего горше плачет: от жалости к Ванечке или к себе? Матушка, словно забыв свое собственное бурное прошлое, то причитала над дочерью, то жестоко пилила ее. Да ведь ее

доброе имя, ее репутация навеки погублены! Это же страшное, позорное клеймо – ее станут считать бессердечной кокеткой, пожирательницей сердец!

На самом деле Шурочка ничего так не желала, как считаться пожирательницей сердец и бессердечной кокеткой. Ведь она, что называется, с молоком матери впитала некий нигилизм по отношению к семейным отношениям. Впрочем, Александра Домонтович стала верной супругой своему генералу, однако ее тезка-дочь органически не способна была хранить кому-то верность – порою даже себе самой, своим принципам, своим идеалам. Она была верна только *неверности* собственной натуры, как ни парадоксально это звучит. Видимо, именно от матери унаследовала Шурочка и обольстительность, и умение кружить мужчинам головы – только госпоже генеральше и не снилось то количество оборотов, которое набирало это головокружение, когда было вызвано Шурочкой.

Как выяснилось, матушка ошиблась самым коренным образом. Смерть Вани Драгомирова и «страшное, позорное клеймо» только придали Шурочке очарования в глазах мужчин. Отец повез бедную девочку развеяться в Ялту, и там, на балу, ее пригласил на первый вальс (плавно перетекший во все остальные) адъютант самого императора Александра III, генерал Тутолмин. Глаза всех гостей были прикованы к блестящей паре. Ах, она такая юная, красивая, а он – самый завидный жених...

Досужие кумушки уже мысленно обвенчали их и окрестили многочисленных детей, поэтому как гром среди ясного неба грянуло известие: легкомысленная дочка генерала Домонтовича отказала Тутолмину!

Да что ей нужно, этой взбалмошной девчонке?!

Свободы, свободы... Свободы жить не как все, никому не подчиняясь, никому не отдавая отчета в своих поступках! Не принято, нельзя, запрещено? Но ведь запретный плод – самый сладкий...

Отец ее уже давно понимал, какую страшную разрушительную силу произвел на свет. Недаром Шурочка получила домашнее воспитание и образование (учителями ее были самые образованные люди того времени, среди них оказался и Виктор Острогорский, один из виднейших педагогов и литераторов, редактор журнала «Детское чтение») – ни в какие гимназии и институты ее не отсылали, боясь ее неумной страсти к скандалам и воинствующему эпатажу. Боясь неминуемого публичного позора. Генерал решил глаз не спускать с дочери. А потому взял ее с собой, и когда поехал в служебную командировку на Кавказ, в Тифлис.

С благими, как известно, намерениями...

В Тифлисе жила генеральская двоюродная сестрица Прасковья, вдова ссыльного поселенца Людвиг Коллонтай, участника польского восстания.

Вообще, надо сказать, легкомыслие отца-генерала изумляет. Зная свою дочь как облупленную, привезти ее в дом, где *ниспровержение основ* было смыслом жизни покойного зятя... Ну ладно, бывший бунтовщик Людвиг умер, но ведь у него остался сын, красивый, дерзкий юноша – Владимир Коллонтай. Пустит козла в огород... В данном случае – козу, но от перемены мест слагаемых сумма не меняется.

Позднее, чрезвычайно повзрослев и местами даже где-то постарев, начав страстно заботиться о своей репутации (не женской, а партийной!), осознав, сколь большое значение для реноме человека имеет вовремя подстеленная марксистско-ленинская соломка, бывшая Шурочка напишет в набросках мемуаров:

«Среди беззаботной молодежи, окружавшей меня, Коллонтай выделялся не только выдумкой на веселые шутки, затеи и игры, не только тем, что умел лихо танцевать мазурку, но и тем, что я могла с ним говорить о самом важном для меня: как надо жить, что надо сделать, чтобы русский народ получил свободу. Вопросы эти волновали меня, я искала путь своей жизни. Владимир Коллонтай рассказывал о своем детстве в бедности и притеснениях царской полиции. Жадно слушая его, я полюбила трудовую жизнь его матери и сестры, хотела сама

трудиться, а не ездить по балам и театрам. Кончилось тем, что мы страстно влюбились друг в друга».

Под этими воспоминаниями можно подвести такой общий знаменатель: была девушкой легкого поведения, стала невинной старушкой. Но, впрочем, доля истины есть и в них: в ту пору многих маменькиных и папенькиных дочек и сынков хлебом было не корми – только дай им пострадать за народ. Словно магнитом, тянуло из князей да в грязь! Потом, прожив на свете еще лет этак тридцать-сорок, они схватятся за голову (ежели у кого она еще останется на плечах – в самом прямом, отнюдь не переносном, смысле, то есть не будет снесена революционной секирою), спохватятся и примутся мертвой хваткой цепляться за мало-мальскую возможность вновь из грязи, в которую сами себя втоптали, вылезти в некогда презируемые князи... уже революционной, советской формации. Они примутся жадно цепляться за мало-мальские льготы, даруемые властью: пайки, закрытые распределители, спецмагазины – ну, словом, за всю атрибутику новой элиты, советской буржуазии. Не останется в стороне и наша героиня... Однако такое обратное преобразование произойдет еще очень не скоро, а пока эти, скажем так, хиппи XIX века упоенно доводили до инфаркта своих родителей во имя борьбы за социальную справедливость.

Шурочка заявила о своем намерении выйти замуж за кузена во что бы то ни стало. Ошалевшие от ужаса генерал с генеральшей, уже успевшие усвоить, что нормальные человеческие доводы – не для их своевольного чада, решили лечить «нарыв в сердце», используя принцип «с глаз долой – из сердца вон!», и мигом послали мятежную барышню «проветриться» в Европу, уверенные, что нездешняя жизнь Парижа и Берлина окажется панацеей и для нее, как оказывалась уже не раз для девиц из других семейств, страдавших той же болезнью непослушания.

Рецепт и в самом деле был хорош, но лишь в том случае, когда зараза еще только пускала корни в душе, сердце и разуме. Однако в данном конкретном случае болезнь оказалась запущенной, и чадо, вместо того чтобы шляться по модным магазинам, шлялось по митингам, которые, как искры, вспыхивали в Париже и Берлине тут и там, ведь разных горлопанов, непременно желавших рубить сук, на котором сидят, развелось море, а поглазеть на разлетающиеся щепки и послушать стук топора находилось множество желающих. Поскольку Шурочка в совершенстве владела и французским, и немецким языками (а также английским), она понимала все до слова, а то, чего не успела услышать на митинге, добирала в многочисленных демократических газетах. Она узнала о существовании таких колебателей мировых устоев, как Вильгельм Либкнехт, Клара Цеткин, Август Бебель. Ну и, ясное дело, Карла Маркса и Фридриха Энгельса, куда ж без них-то? Однако вовсе не только «живое, вечно развивающееся учение» страстно привлекло ее. Сам факт эпатажа, возможность учинить грандиозный скандал не в масштабе одной отдельно взятой семьи, а в мировом масштабе, вдоволь накушаться пресловутого запретного плода – вот что заводило ее и подпитывало, вот что стало самым стержнем ее довольно-таки бесцельного существования. Баламутка – называют таких в народе. Самая настоящая баламутка... а, собственно говоря, не была ли и вся та революционная гоп-компания просто-напросто баламутами, не ведающими и не желающими ведать, что творят? К тому же с детства Шурочка страдала припадками истерии. Кликушествовала, как, опять же, говорят в народе. Ее бы пороть нещадно с молодых ногтей, – глядишь, и стала бы человеком, однако ее берегли. Жалели. Потакали... Истерия стала основой ее существования (самое смешное, что именно истерическое кликушество сделает ее любимицей революционных масс, которые всегда падки на дешевку и вульгарщину... так же, как, впрочем, и не революционные массы, а массы вообще, массы как таковые). Но это опять же впереди, а пока Шурочка устроила себе за границей сплошной праздник непослушания, который не прервался и после возвращения в Россию.

В один прекрасный день родители были поставлены перед фактом: или немедленно венчать Шурочку с Коллонтаем, или спустя девять месяцев сделаться бабушкой и дедушкой незаконнорожденного младенчика.

Из двух зол выбрали то, которое казалось наименьшим.

– Может быть, и впрямь остепенится? – совещались родители. – А то она у нас будто проклятая какая-то...

Страшное слово употреблялось не просто так. Можно себе представить, как проклинала ее семья Вани Драгомирова. Быть может, незаслуженно, быть может, следовало упрекать себя, что воспитали юношу (генеральского сына, будущего военного!) таким слабым, таким нежным, что он в прах рассыпался при первом столкновении с людским (да разве это люди – взбалмошная-то барышня?!) жестокосердием. А впрочем, нежная душа Ванечки была тут, пожалуй, ни при чем. Виктор Острогорский, учитель Шурочки, человек, чье имя вошло во все дореволюционные энциклопедии, мужчина вполне взрослый и состоявшийся, старше ее на двадцать лет, в день ее свадьбы прислал ей прощальное письмо... Нет, это было не благословение учителем ученицы – это было признание в мучительной страсти, которая сводит его в могилу. Он попытался отравиться угарным газом, но был спасен случайным человеком и навсегда остался калекой. Наверное, он тоже проклинал свою погубительницу, хотя... Ну, какой смысл упрекать бурю за то, что она ломает деревья? Она такая, какая есть, она создана Творцом для того, чтобы ломать деревья, обреченные на это все тем же Творцом. Неистовая и обворожительная Шурочка была создана для того, чтобы разбивать мужские сердца. И в том не было ее вины – была беда сердец, обреченных разбиваться.

Вряд ли, конечно, эти проклятия повлияли на то, что счастливой в браке Шурочка ощущала себя очень недолго. Да хоть бы весь мир осыпал ее благословениями, конец все равно был бы один! Как только плод перестал быть запретным, он мгновенно перестал быть желанным. Как только *связь* (ах, Боже ты мой, еще недавно от одной только мысли, что она состоит в противозаконной, внебрачной связи, у нее блаженно кружилась голова!) сделалась законной, а тайная страсть перешла в разряд исполнения супружеских обязанностей, Шурочка мгновенно охладела к объятиям мужа. Причем до такой степени, что даже по уши влюбленный Владимир стал называть юную женушку рыбой. Однако он ошибался. У нее был вовсе не холодный темперамент. Просто она еще не встретила *своего* мужчину, это раз; сам Владимир, видимо, не отличался талантом разбудить в женщине женщину, это два; а в-третьих, испытывать наслаждение в мужских объятиях Шурочка могла, только если приходилось сдерживать запаленное дыхание, умирать страстные крики, стеречься, чтобы не скрипела кровать... словом, если было *нельзя*. А если *льзя*, это ей даром не нужно. К тому же она и так была уже беременна, зачем снова стараться? Она родила сына, которого называли Михаилом, в честь генерала Домонтовича, и, полной ложкой хлеба радости материнства и замужества, очень быстро почувствовала, что эта диетическая, пресная, прохладная пища ей тошнехонька.

Некоторые любят погорячее. И поострее...

Эта барышня, ах нет, теперь уж барыня, обладала даром не только заваривать очень крутую кашу скандалов, где надо и где не надо, – она просто-таки притягивала к себе ситуации двусмысленные. Так, у нее с детских лет была (и на всю жизнь осталась) очень близкая подруга по имени Зоя Шадурская. Она, что называется, смотрела Шурочке в рот и пела с ее голоса с первой встречи до последнего дыхания. И в партийную оппозицию Шурочка ее втянет, вдобавок не один раз, и заставит распинаться в верности всем вождям оптом и в розницу... Но это еще далеко впереди, а пока что Шурочка решила немножко поразвлечься, устраивая личную жизнь невзрачной и не слишком интересной подруги. К слову – рядом с собой Шурочка будет всю жизнь терпеть только сереньких мышек и невзрачных пташек. Другое дело, что порою они неожиданно оказывались темными лошадками... Но об этих загадочных метаморфозах речь тоже пойдет потом.

Итак, желая устроить Зоечкину женскую судьбу, Шурочка познакомила ее с Александром Саткевичем, военным инженером, другом своего мужа. Желая опекать новую пару, Шурочка уговорила мужа поселиться вместе – коммуной (это был некий прообраз тех коммун, которых она еще множество наорганизует в своей жизни... от Москвы до самых до окраин, до сибирского села Ильинского Панкрушихинской волости Каменского уезда Ново-Николаевской губернии!). Чтобы не путать Александра и Александру, Саткевича называли просто А.А. или даже Дяденькой: уж очень он был умный, серьезный...

Увы, никакой ум не страхует от любви, никакая серьезность не защитит от страсти. Правда, любовь и страсть вызвала в Саткевиче отнюдь не Зоя Шадурская. У нее, бедняжки, не было никаких шансов соперничать с вызывающей обольстительностью Шурочки. Впрочем, бедная безропотная Зоечка и не претендовала на соперничество!

«Как это началось с А.А.? – станет вспоминать Коллонтай спустя много лет. – Женщина чувствует, что нравится. Мужчина завоевывает ее отзывчивостью и пониманием, завоевывает душу. В те годы мы увлекались (по Чернышевскому) темой: любовь к двум. Я уверяла, что обоим их люблю: сразу двух. Любить двоих – не любить ни одного, я этого тогда не понимала».

В конце концов Дяденька съехал на другую квартиру, и Шурочка тайком бегала к нему – вкушать запретный плод, который снова начал ее привлекать. А.А. был человек порядочный. Он не хотел таиться, воровать у друга жену, он хотел, чтобы Шурочка развелась и вышла за него замуж, но ее от одной этой мысли начинала бить дрожь. Она уже поняла, что не создана ни для каких уз, цепей, оков, и в первую очередь – супружеских. О да, любовь вольна, как птица! Этих строк поэт Александр Блок еще не написал, зато все давно знали, что сердце красавицы склонно к измене и к перемене, как ветер мая. Чтобы лишить иллюзий обоих мужчин (каждый втихомолку надеялся, что этот самый «ветер мая» станет дуть в его направлении), Шурочка однажды собралась, да и уехала за границу, подкинув сына родителям. То есть она не Бог весть как лукавила, когда писала позднее, объясняя свой разрыв с мужем: «От Коллонтай я ушла не к другому. Меня увлекла за собой волна нараставших в России революционных волнений и событий».

Шурочка вдруг ощутила, что жить не сможет далее без пополнения образования. Причем именно в полюбившейся области: в рабочем вопросе. Как ни восхищалась она работающими сестрой и матерью Владимира Коллонтай, трудиться сама она не желала. Ну, что за глупости, еще не хватало! Другое дело – учить трудиться других. А вернее – *не* трудиться. Эта неугомонная скандалистка постепенно поняла, что самое интересное – не свару в собственном доме затевать, не мужа с любовником ссорить. А вот устроить скандалище в мировом масштабе – это как раз ей по нраву. «Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови – Господи, благослови!...» Этих строчек Блок тоже еще не написал. Но напишет. А раздувать мировой пожар будет Шурочка Домонтович-Коллонтай. Лично и в компании с другими такими же неугомонными поджигателями.

В начале было Слово... Ее давно влекла писательская слава. Тянуло писать романы. Да только кому они нужны? Их лучше не писать, а заводить! А писать – статьи об экономической эксплуатации, о тяжелом положении трудящихся, особенно почему-то в Финляндии. Бог весть, почему ее в эту Финляндию так уж сильно потянуло? Быть может, потому что там находилось родовое имение матери Кууза, которое Шурочка обожала. Ну, так вот тебе, получи, Финляндия, за то, что в твоих лесах мне было так хорошо! Так или иначе, Шурочка, со своим бойким перышком и острым мышлением, со своим раскованным (это было в ту пору ново и оригинально) стилем довольно быстро завоевала признание читателей. Кроме того, она любила конкретные детали, и хотя подходила к делу дилетантски, на первый взгляд ее материалы казались весьма глубокими – они убеждали, завоевывали признание, Шурочка приобретала авторитет как специалист в своей теме, ее начинали принимать всерьез... Другое дело, что всерьез ее принимали такие же дилетанты, как она сама. Узок был круг этих революционеров, они

по-прежнему были страшно далеки от народа, они собственный барский бред принимали за его мечты... А в конце концов они навяжут этот бред народу и убедят его в том, что исполнили именно его вековые чаяния. Тем не менее Шурочка наваяла аж две книги – «Жизнь финляндских рабочих» и «К вопросу о классовой борьбе» – и начала третью – «Финляндия и социализм»...

Шурочка не все время проводила в Европе – периодически она появлялась в Петербурге. Свобода передвижений тогда была – езжай, не хочу! Никаких тебе проверок на благонадежность. Эх, вот жизнь была... Не ценили ее. Нет, не ценили!

В России она утешала мужа, она спала с Дяденькой, она нервничала, встречаясь с сыном, она сплетничала с Зоей, она похоронила отца, потом мать, но главное – она нашла для себя новую тему, поняв, что Финляндия, по большому счету, никому не интересна. Нужно шире подходить к проблемам... Вот например – женская тема! Это важно и нужно всем. Мужчинам, конечно, в меньшей степени, но женщинам...

Шурочка написала статьи «Роль феминисток и женщин-пролетариев в движении за эмансипацию женщин» и «Проблема морали в положительном смысле», которые весьма заинтересовали ее будущих соратников. Тема была модная, а авторша, по слухам, интересная женщина, хо-хо!..

Это мнение вполне разделял Петр Петрович Маслов, знаменитый экономист, специалист по земельному вопросу, социал-демократ, великий женолюб и в то же время подкаблучник своей супруги Павлины, которая то ли была его, то ли выдирала последние волосы из реденькой его шевелюры (Шурочка готова была поклясться, что от свидания к свиданию Петенька выглядел все более облысевшим), однако имела над ним деспотическую власть. В половине десятого он выскакивал из постели Шурочки и мчался домой, чтобы быть там ровно в десять, не то... Ну да, кто бы сомневался, что у Шурочки с этим пухленьким инфантильным красавчиком очень скоро дойдет до постели? Родство душ, созвучие умов... К тому же пухленькие губки знаменитого экономиста очень приятно целовали главную эмансипатку всех времен и народов!

Дяденька вскоре оказался отодвинутым на второй план, разделив участь законного супруга. И Александра (года шли да шли, Шурочкой называться сделалось уже как-то не солидно) начинает петь в своих статьях с голоса Маслова, становясь убежденной меньшевичкой. Роман их развивался в основном за границей (опять же – в Париже и Берлине), где Александра обзавелась новыми друзьями – Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом, к которому немедленно почувствовала некий волнующий интерес. Однако Александра ощущала, что время «смычки между русскими и германскими товарищами» еще не настало. Она была слишком увлечена Петенькой Масловым (чужой ведь муж!), первенствовавшим среди иных-прочих запретных плодов, которых ей непременно хотелось куснуть своими беленькими зубками.

Между тем у нее в среде эсдеков складывалась определенная репутация. Все все знали об их с Масловым романе (кроме, к великому счастью, Павлины, не то мировая революция недосчиталась бы двух активных боевых единиц), мнение о страстной Александре у каждого имелось свое, и говорили разное. А ей самой, кажется, было наплевать на чужое мнение. Во всяком случае, о Луначарском она отзывалась в письмах к Зое уважительно, а уж о Ленине-то и вовсе с огромным пиететом.

Все интереснее ей было за границей с вновь приобретенными товарищами, все обременительней становились возвращения в Петербург. Право слово, если бы ее новые друзья не были вынуждены то и дело туда наезжать, она так и сидела бы в Европах. К тому же подрост Миша (ему исполнилось четырнадцать – это же просто ужас, как летит время!), надо было его куда-то пристраивать. Александра по-прежнему не ощущала никаких позывов материнства (даже Миша в одном из писем Зое Шадурской жаловался, что «мамочка к себе не подпускает»), порхала по всевозможным знакомым. У нее была страсть коллекционировать людей интересных,

самобытных. Наверное, она все же ощущала некоторую свою ущербность как личности творческой, понимала, что она и в любви, и в работе всего лишь чье-то зеркало, литографчик, пересказчик чужих мыслей...

В числе таких людей была знаменитая переводчица Татьяна Щепкина-Куперник, известная чудесными переводами пьес Ростана, Гюго, Лопе де Вега, Кальдерона, Шекспира... Татьяна на долгие годы останется подругой шалой Александры, в которой она находила ту соль и тот перчик, которых так недоставало ей самой, живущей более в XV—XVI веках, нежели в нашем времени. Ну да, Александра была дамой самой что ни на есть современной! За книгу «Финляндия и социализм» власти признали ее неблагонадежной (наконец-то – спустя года после опубликования этой и впрямь подрывной брошюры!) и принялись то в тюрьмы сажать, то оттуда выпускать по настоянию «передовой общественности» (к примеру, Горького, который очень неистовствовал в защиту бывшей Шурочки), то определять под надзор полиции, то учинять слежку за ней...

В этой суеде, которая вокруг нее воцарилась, Александра чувствовала себя, как рыба в воде. Как «ананасы в шампанском», выражаясь штилем безумно модного Игоря Северянина, бывшего, кстати, ее кузеном. Точно так же уютно чувствовала она себя практически одновременно в двух постелях: в Дяденькиной и в Петенькиной (экономист, социал-демократ и специалист по земельному вопросу теперь звался просто Маслик).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.